

1988. 2 февраля

От Тоффеля к Воланду

БУЛГАКОВ ЧИТАЕТ КУПРИНА

Большой интерес наших читателей вызвала публикация Ф. Балона «Влекущая тайна творчества» — о некоторых фактах и гипотезах, касающихся создания М. А. Булгаковым «Мастера и Маргариты». Сегодня мы предлагаем вашему вниманию еще одно исследование на эту тему — доктора искусствоведения Н. Б. КУЗЯКИНОЙ.

Имя Куприна произносилось когда-то в Киеве с особой симпатией. В отличие от других популярных беллетристов России он был «свой» — и не только по открытому темпераменту, простоте обхождения и знанию южной жизни.

Начинавший писатель жил в городе над Днепром несколько лет (1896—1898), бывал в нем многократно и позднее. «Чудесный город, весь похожий на сдобную, славную попадью с масляными глазами и красным ртом» — в этой характеристике выразился не столько даже сам Киев, сколько молодой Куприн, отчаянно неустроенный и голодный.

В «Киевских типах» Куприн схватил неповторимый облик, занятые особенности городской жизни начала 90-х годов, и это тоже привлекало читателей. Тонкие терракотовые книжки «Полного собрания сочинений А. И. Куприна», выходявшие бесплатным приложением к «Ниве» за 1912 год, пользовались успехом. Война 1914 года, а затем революции 1917-го заставили их пылиться в книжных шкафах: на глазах у читателей рассыпалась та жизнь, которую Куприн еще недавно столь сочно живописал. Замечательный рассказчик, писатель терял широкого читателя и на какое-то время становился достоянием интеллигентных дам, узкого круга любителей русской словесности да своего брата-профессионала.

Трудно сказать, как относился молодой Булгаков к прозе Куприна. Но один из его рассказов Булгаков прочитал очень внимательно. И было это скорее всего в марте 1919 года.

Жена Булгакова, Татьяна Николаевна, впоследствии вспоминала, что они уезжали из Москвы «последним поездом», а когда приехали в Киев, «в городе были немцы». Серые колонны немецких войск в железных шлемах вошли в Киев вместе с полками Центральной рады первого марта. Следовательно, и Булгаковы приехали домой в начале марта.

Они вернулись на старую материнскую квартиру на втором этаже в доме Листовниченко по невысказанному крутому, будто поставленному торчком Андреевскому спуску. Оборудовали кабинет для частного приема — приходилось как-то зарабатывать на хлеб.

Календари в городе, как и вся жизнь, перепутались и двоились: даты старого и нового стиля писались рядом, через черточку. Видимость сохранности основ старого быта не могла прикрыть их резкой надломленности, все выглядело зыбко.

Тем не менее, внешне как-то установилась новая жизнь. Давняя любовь ведет Булгакова в театры, и прежде всего в оперу, свободной он лишен два года — почти что вечно! Свободными вечерами он пишет прозу, начатую, возможно, еще в Николаеве; в будущем, после переделок, она получит название «Записки юного врача». И в это же напряженное время идет никому не ведомая, подспудная работа писателя, закладывается фундамент будущих произведений Булгакова. Целая память уже отбирает «про запас» имена, события, лица — все, что впоследствии всплывает само собой, будто только что сочиненное.

Литературные связи Киева и Советской России в тот год ослабли, но не прерывались, наиболее интересные книги привозили через несколько месяцев после их выхода в Москве и Петрограде. С приходом Советской власти в феврале 1919 года появились новые книги и сборники, задержанные обстоятельствами. Киевляне набросились на новую литературу. Первый номер газеты «Неделя искусств, литературы, театра и др.» (16 марта 1919 года) должен был побывать в руках у Булгакова, литературный первенец Советской власти заслуживал внимания.

Известный тогда публицист В. Г. Тан (Богораз) поместил в газете большую обзорную статью под странным названием «Полтора Мефистофеля». Он рассказал читателю о романе В. Винниченко «Записки курного Мефистофеля» и рассказе Куприна «Каждое желание».

В сочинении Винниченко публицист отметил перемены избитых мотивов, пахнущих Арцыбашевым, — старых, пошлых, ненужных. Образ главного героя, прозванного курным Мефистофелем, имел к философии самое отдаленное отношение.

Огорчило В. Тана и «Каждое желание» Куприна (сб. «Земля», кн. XX, М., 1917). Рассказ показался ему тоже старым, скучным, написанным не без влияния Р. Киплинга и Г. Уэллса. «Нет, не дается российским писателям чужая чертовщина. Уж лучше бы они ограничивались нашей собственной русской реальностью. Тем более, что и реальность теперь такая, почище всякой чертовщины... Купринский Меф. Ис. Тоффель — это только пол-Мефистофеля, даже четверть Мефистофеля», так заключил критик. На самом деле рассказ оказался вовсе не столь уж плох, но для этого его надо было прочитать кому-то иному. Возможно — Булгакову?

Рецензия В. Тана должна была привлечь его внимание хотя бы потому, что в ней шла речь о литературной интерпретации образа Мефистофеля. Говорю о «литературной», ведь Булгаков в предвоенные годы покорен и музыкальными образами Мефистофеля — в опере Гуно «Фауст» (известно, что он слушал «Фауста» чуть ли не 50 раз) и в опере А. Бойто «Мефистофель».

Так или иначе, но «Каждое желание» Булгаков прочел, и впечатления от рассказа Куприна впоследствии отозвались, как мы увидим, в романе «Мастер и Маргарита».

Рассказ Куприна, вскоре переименованный в «Звезду Соломона», писался, когда только занималась заря 1917 года и многие тысячи людей, вчера еще и не помышлявшие об этом, становились волею обстоятельств властителями судеб и жизней. Дстойно выдержать испытание «вседозволенностью», по Куприну, мог только очень хороший, «необыкновенный обыкновенный» человек.